

Эдгар Аллан По

Убийство в улице Морг

Проживая одно лето в Париже, я познакомился там случайно с одним молодым человеком, Августом Дюпэн. Он происходил из очень известной фамилии, но разорился, вследствие разных несчастных обстоятельств и это так подействовало на него, что он стал чуждаться всякого общества. Но со мною он сошелся, и мы даже поселились вместе, заняв квартиру в старом, запущенном доме на одной из самых глухих улиц Сен-Жерменского предместья.

Нас свела наша общая страсть к редким, старинным книгам и некоторая фантастичность наших характеров. По правде говоря, нас можно было принять со стороны за помешанных, — хотя и безобидного свойства. Мы просиживали днем взаперти, даже с закрытыми ставнями, а по ночам предпринимали большие прогулки, наблюдая печальные и ясные черты многолюдного города и набираясь тех впечатлений, которыми такие исследования обогащают человеческий ум.

Меня поражала, при этом, какая-то удивительная, почти сверхъестественная прозорливость Дюпэна, доставлявшая ему самому большое удовольствие, по-видимому. Он говаривал, шутя, что у большинства людей есть окошко в груди, через которое он, по крайней мере, может видеть все, что происходит в самом их «нутре». И он подтверждал свои слова действительно изумительными догадками! Случалось, что он отвечал, мне неожиданно на то, что я думал, и потом, в объяснение этого, приводил мне целый ряд мыслей, промелькнувших у меня в голове до возникновения последнего моего размышления или недоумения. И потом, когда я просил его открыть мне, каким чудом он мог проследить то, что происходило в моем мозгу, он указывал мне на разные мелкие внешние обстоятельства, не относившиеся к главному предмету моих мыслей, но долженствовавшие непременно вызвать в моем уме то или другое сопоставление. Все это было поразительно до крайности и обнаруживало в моем товарище необычайное чутье.

Вскоре после одного случая, в который он изумил меня чтением моих мыслей, мы просматривали номер «Судебного Листка», и нам бросилась в глаза следующая заметка:

Загадочное убийство. Сегодня ночью, в третьем часу, жители квартала Св. Рока были разбужены страшными криками, раздававшимися, по-видимому, из четвертого этажа одного дома в улице Морг, принадлежавшего г-же Лэпанэ и в котором она жила с своею дочерью, Камиллою Лэпанэ. Калитка во двор, запертая изнутри, была выбита сбежавшимися соседями при содействии двух полицейских. Крики уже смолкли в это время, но пока люди спешили вверх по лестнице, над ними слышались какие-то грубые, спорившие между собой, голоса. Но вскоре и они стихли; наступило полное безмолвие. Квартира четвертого этажа оказалась запертою на ключ изнутри; дверь выломали и тогда, в самой задней, большой комнате, глазам всех представилось ужасное зрелище.

Все здесь было в страшном беспорядке: мебель разбросана и поломана, с единственной, стоявшей в углу, кровати, тюфяк был сброшен на середину комнаты; на одном стуле валялась окровавленная бритва; в камине оказалось две или три густых пряди седых волос, вырванных, по-видимому, с корнем; на полу были найдены четыре золотая монеты, одна топазовая серьга, три большие серебряные ложки, три маленькие из поддельного серебра и два мешочка, в которых оказалось около четырех тысяч франков золотом. Выдвинутые из комода ящики были, очевидно, опустошены, хотя в них оставались еще некоторые вещи. Под тюфяком (не под кроватью) стоял небольшой железный сундучок, отпертый, с ключом в замке. В нем не было ничего, кроме писем и других незначительных бумаг.

Обеих г-ж Лэпанэ не было видно нигде, но громадное количество сажи, засыпавшее камин, обратило на себя общее внимание. Кто-то заглянул в трубу: к общему ужасу, в ней оказался втиснутый труп девицы Лэпанэ. На нем было множество царапин и ссадин, причиненных, без сомнения, насильственным втискиванием его в трубу, но вся шея несчастной была в синяках и носила явные следы чьих-то ногтей, что указывало на то, что смерть последовала от задушения. Тело матери было найдено на дворе, за домом; голова у нее была почти совершенно отрезана, так что отвалилась, когда подняли с земли труп, вообще страшно искалеченный.

На следующий день, та же газета привела несколько свидетельских показаний по этому страшному делу, виновники которого не были еще открыты. Все эти показания сводились к тому, что убитые вели очень замкнутую жизнь, слыли за особ довольно зажиточных. Ходили слухи о том, что старуха занималась ворожбою. Характера она была причудливого: рассердясь, однажды, за что-то на жильцов нижних этажей, она не стала более пускать никого, так что все квартиры давно уже стояли пустыми. Никто не навещал этих Лэпанэ; изредка только бывал у них доктор. Все окна на улицу, даже в самой квартире хозяйки, были закрыты ставнями почти постоянно; редко открывались и те, которые выходили на двор, исключение составляли лишь два окна, находившиеся в большой, задней комнате. Один из полицейских, подтверждая все сказанное свидетелями о слышанных громких женских криках, приходил к тому заключению, что из двух голосов, как бы споривших наверху, один принадлежал, несомненно,

французу, потому что он, свидетель, явственно расслышал два слова:

«sacre» и

«diable». Еще один свидетель уловил восклицание:

«Mon Dieu!» Другой голос был очень странный, – неизвестно даже, мужской или женский, – какой-то визгливый, с иностранным акцентом, походившим всего более на

испанский говор. Все прочие свидетели признавали тоже один из голосов, именно грубый, за принадлежавший французу, но относительно второго, резкого и визгливого, господствовало полное разногласие, смотря по национальности допрашиваемых. Голландцы, немцы и англичане, не говорившие по-французски, уверяли, что голос отличался

французскою интонацией, между тем как французы находили его похожим на голос

голландца,

немца или

англичанина.

Самый тщательный осмотр дома только увеличивал, общее недоумение насчет того пути, которым лица совершившие убийство, могли проникнуть в квартиру своих жертв. Все окна и двери оказывались запертыми изнутри. Печные трубы были так узки, что пролезть в них было невозможно; для того, чтобы только освободить оттуда труп девицы Лэпанэ, потребовались усилия четырех людей.

Подозрение пало на одного молодого человека, Адольфа Лебона, служившего в банкирской конторе Миньо, из которой покойная Лэпанэ вынула свои четыре тысячи франков за день до своей смерти. Этот Лебон относил ей деньги; других улик против него не было, и он был арестован, по-видимому, без всякого основания.

Мой друг Дюпэн следил с величайшим вниманием за ходом следствия. Однако он не

высказывал никаких предположений сначала, и лишь после заарестования Лебона спросил моего мнения о происшествии.

Я отвечал, что решительно теряюсь в догадках. Дело было окружено какою-то непроницаемою тайной.

– Видите ли, – сказал на это Дюпэн, – полагаться на факты, добытые следователем, никак нельзя. Французская полиция славится своей проницательностью; она только смела, но у нее нет общего метода; она руководствуется лишь данными настоящей минуты. Меры принимаются ею очень широкие, но мало приложимые к делу, и напоминают мне, отчасти, г. Журдена, который требует, чтобы ему подали шлафрок,

«pour mieux entendre la musique». Иной раз, здешние сыщики достигали действительно изумительных результатов, но только благодаря своей настойчивости и неутомимости. Где этих качеств не было, там дело кончалось всегда неудачей. У Видока, например, было удивительное чутье, но, действуя без системы, он вводился в заблуждение самым напряжением своей проницательности. Он обессиливал свое зрение, поднося себе предмет слишком близко к глазам. Благодаря этой близости, он мог рассмотреть с необыкновенною точностью некоторые подробности, но решительно терял из вида целое. Вот что значит быть слишком глубоким! Истина не всегда на дне колодезя; я уверен, что она всего чаще на его поверхности. Взглядывая вскользь на небесные светила, мы видим их в полном блеске, а если вздумаем смотреть на них слишком пристально, то, пожалуй, блеск этот совершенно потускнеет для нас. Что касается собственно этих убийств, то обсудим их хорошенько, прежде чем поставить какой-либо приговор. Такое расследование нас позабавит... (Мне показалось немножко неуместным употребленное Дюпэном здесь слово «забавит», но я не сказал ничего, а он продолжал): этот Лебон оказал мне, однажды, услугу, которую я не забываю. Полицейский префект мне приятель, и я уверен, что он даст нам разрешение на осмотр места убийства.

Мы получили сказанное разрешение без труда и отправились в улицу Морг. Это один из самых жалких переулков между улицами св. Рока и Ришелье. Дом было очень легко найти, потому что перед ним все еще стояла небольшая толпа, глазевшая с бессмысленным любопытством на его закрытые ставни. Он не отличался ничем от других парижских домов: тот же боковой вход с небольшою, стеклянною будкою для консьержа, все прочее тоже по обыкновению, но мы обошли кругом все строение, и Дюпэн всматривался в соседние дома с таким вниманием, которое мне казалось даже совершенно излишним.

Мы поднялись, наконец, в ту комнату, в которой было найдено тело девицы Лэпанэ. Оба трупа лежали здесь, и ничто кругом их не было прибрано, все оставалось в прежнем беспорядке, как это обыкновенно требуется расследованием. Я не нашел ничего, кроме известного уже всем по отчету «Судебного листка», но это не помешало Дюпэну подробно оглядеть все предметы, не исключая и самих трупов. Потом мы прошли в другие комнаты, осмотрели и двор за домом, причем нас всюду сопровождал полицейский. Смеркалось уже, когда мы пошли домой: по дороге, мой приятель зашел еще на минуту в редакцию одной ежедневной газеты.

Как я уже заметил, у Дюпэна было не мало странностей, которым я отчасти потакал. Так было и теперь: во весь вечер он не проронил ни одного слова об убийстве, поэтому молчал и я; но, на следующий день, он вдруг спросил меня, заметил ли я что-нибудь особенное в обстановке злодейства.

– Ничего «особенного», – ответил я, – то есть, ничего, кроме описанного в газетах.

– Газеты, – сказал он, – не отметили необыкновенной свирепости в злодеянии. Мне кажется, что они считают факт неразъяснимым именно по той самой причине, которая дает ключ к

разгадке. Полиция недоумевает перед видимым полным отсутствием повода к убийству, – лучше сказать, к зверству, с которым оно совершено, – и ее ставят тоже в тупик слышанные всеми два голоса, равно как исчезновение преступников, которым не было, однако, другого выхода из квартиры, кроме лестницы, уже занятой собравшимся народом. Страшный беспорядок в комнате, труп, всунутый в каминную трубу головой вниз, безжалостно изуродованное тело старухи, все это, вместе с вышеприведенными обстоятельствами, заставило опустить руки пресловутую французскую сыскную полицию. Она впала в обыкновенную людям ошибку, смешав необычное с непонятным. Между тем, именно всякое уклонение от обычного указывает рассудку на тот путь, который ведет его к истине. В занимающем нас деле важен не вопрос о том, «что произошло», а вопрос о «различии происшедшего с тем, что обыкновенно происходит в подобных случаях».

Я смотрел на Дюпэна в немом изумлении. Он продолжал, поглядывая на дверь:

– Я поджидаю одного человека, который, может быть, не виновен в этой бойне, однако причастен к ней с известной стороны. Вполне вероятно, что все самое ужасное в этом преступлении – дело не его рук и именно на этом предположении основываю я свою надежду добиться от него разгадки происшествия. Может он и не придти, разумеется, но вероятнее, что придет... И если он явится, надо будет его задержать, без сомнения... Вот, на этот случай, два пистолета; мы оба умеем с ними обращаться.

Я взял один из пистолетов, сам не сознавая хорошенько, что делаю, и не уясняя себе речей Дюпэна. Он продолжал, между тем, очевидно обращаясь ко мне, но глядя, по своему обыкновению, куда-то в пространство:

– Голоса, слышанные всеми, были не женские, это подтверждается всеми свидетельствами, следовательно, нечего и опровергать предположение о том, что старуха могла убить сначала свою дочь, а потом покончить и с собою. Я упоминаю о таком предположении лишь ради методичности, потому что у г-жи Лэпанэ не достало бы силы втиснуть труп девушки в трубу, а изуродованное тело ее самой исключает всякую мысль о ее самоубийстве. Стало быть, можно считать установленным, что преступление совершено другими и слышанные голоса принадлежали именно этим другим. Все свидетели упоминают о двух голосах, но нет ли чего «особенного» в этих показаниях, по вашему мнению?

Я сказал, что все свидетели утверждают единодушно, что один из голосов, именно грубый, принадлежал французу, а насчет другого, визгливого, дают показания разноречивые.

– Так, – возразил Дюпэн, – но дело, собственно, не в самом факте этого разноречия, а в том, что все свидетели, – итальянец, англичанин, голландец, испанец, француз, – утверждают, что второй голос принадлежал какому-то

иностранцу, указывая, при этом, на нацию, язык которой им, свидетелям, неизвестен. Так, француз полагает, что этот визгливый голос принадлежал

испанцу, и что он, свидетель, разобрал бы слова,

если бы сам говорил по-испански. Голландец уверяет, что говорил француз; – сам

он по-французски ни слова не знает. Англичанин,

не говорящий по-немецки, думает, что голос принадлежал немцу; испанец,

не знающий английского языка, судит, по интонации, что говорил англичанин; итальянец,

никогда не разговаривавший с русским, нашел даже говор русским... Следует подумать, что этот резкий голос был очень странен, если уроженцы пяти или шести европейских государств

не отличили в нем ни одного родственного звука! Вы скажете мне, что голос мог принадлежать какому-нибудь азиату или африканцу; но азиаты и африканцы большая редкость в Париже; сверх того, обратите еще внимание на то, что одни из свидетелей называют голос скорее сиплым, нежели визгливым, а другие торопливым, неровным... И все говорят о тембре, никто не запомнил членораздельных звуков, каких-либо слов... Не знаю, какое впечатление выносите вы из всего этого, но мне кажется, что какой-либо обоснованный вывод должен вытекать именно из этих общих свидетельств о двух различных голосах, грубом и визгливом, и он должен указать на ключ к загадке. Я сказал «обоснованный вывод», но это выражение еще не вполне выясняет мою мысль; я разумею здесь, что этот вывод, пока, единственный логичный и что он неизбежно рождает известное подозрение. Я еще не скажу вам, в чем оно состоит, но попрошу вас припомнить общий вид той комнаты, которую мы осматривали. Прежде всего, каким путем могли скрыться убийцы? Надеюсь, что вы не верите в сверхъестественное, как и я, и потому мы не можем допустить, что эти несчастные умерщвлены какими-то демонами. Дело совершено злодеями материальными и которые должны были скрыться материальным путем. Ясно, что в то время, когда люди, привлеченные криками, поднимались по лестнице, убийцы находились в той комнате, в которой была найдена девица Лэпанэ, или в соседней с нею. Поэтому нам следует заняться только этими двумя комнатами. Полиция разворотила все стены, потолки и полы в квартире, но не нашла никакого потаенного выхода. Две двери, выходящие на лестницу, были заперты изнутри и ключи их торчали в замках. Печные трубы слишком узки для прохода человеческого тела. Остаются окна. Убийцы не могли уйти через фасадные, не будучи замечены толпою, стоявшею на улице; следовательно, преступники скрылись не иначе, как через окна, выходящие на двор. Таков неоспоримый вывод из всего нашего рассуждения, и нам нечего останавливаться перед кажущейся затруднительностью такого пути. Она вовсе не так велика. Одно из этих подъемных окон не заставлено ничем, другое закрыто наполовину изголовьем придвинутой к нему кровати. Первое окно заперто наглухо, посредством большого гвоздя, всаженного в глубокое отверстие, пробуравленное в подъемной раме. Поднять ее оказалось невозможно, несмотря ни на какие усилия. Тот же опыт был повторен со вторым окном, запертым тем же способом; оно не подалось, и следственная власть, на основании этого, сочла излишним вытаскивать гвозди и отворять окна... Я взглянул на дело иначе, начав рассуждать

«a posteriori» .

Убийцы ушли этим путем, через окна. Но окна оказались запертыми изнутри. Следовательно, окна запирались как-либо сами собою. Иначе оно не могло быть. Я подошел к незаставленному ничем окну, вытащил гвоздь с некоторым трудом и попробовал поднять раму. Она не двигалась с места, что подтвердило мою догадку о существовании какой-нибудь тайной пружины, хотя присутствие гвоздей оставалось тогда все же необъяснимым. Но, вглядываясь пристальнее, я нашел пружину, надавил ее, и этого было для меня достаточно; я не стал поднимать оконницы, но всадил снова гвоздь и стал тщательно его рассматривать. Если убийцы скрылись через это окно и опустили оконницу, пружина могла захлопнуть ее, но гвоздь не мог встаться сам собою. Было очевидно, что они ушли не через

это окно. Так как, по всей вероятности, пружины у обоих окон были одинаковы, то различие могло существовать только между гвоздями. Я принялся разглядывать все во втором окне: пружина оказалась, действительно, совершенно подобною первой; гвоздь был, по-видимому, тоже подобен первому и укреплен тем же способом...

Вы полагаете, разумеется, что я был сбит с толку, но ведь до сих пор, догадки мои подтвердились; я знал, что иду по верному следу. Что-нибудь да не так в этом гвозде, решил я и тронул его. Шляпка гвоздя с кусочком стержня осталась у меня в руках, между тем как длиннейшая часть стержня сидела, по-прежнему, в своем месте. Видно было, что гвоздь был сломан уже давно (судя по ржавчине на изломе), вследствие удара молотком, вероятно. Я

вложил отломанную часть гвоздя на прежнее место, надавил пружину, и оконница стала подниматься вместе с обломком гвоздя. Тайна была разгадана, таким образом: преступники скрылись через это окно, которое запиралось потом само собою (или было заперто ими) и удерживалось пружиной, между тем как полиция считала задержкою

гвоздь .

Оставался вопрос о способе спуска злодеев на землю. Обходя кругом дома, я заметил прут громоотвода, протянутый футах в пяти с половиною от сказанного окна, следовательно, на расстоянии, с которого доступ к нему был невозможен. Но ставни четвертого этажа в этом доме устроены по старинному образцу, встречаемому еще часто на некоторых зданиях в Лионе и Бордо. Они представляют собой широкую одностворчатую дверь с решетчатую нижнюю часть, за которую можно легко ухватиться руками. Когда мы осматривали задний двор, эти ставни в обоих окнах были полуоткрыты, то есть, стояли под прямым углом к стене, но, будучи вполне откинута к этой последней, ставня вышеуказанного окна должна была приближаться к громадному пруту так, что расстояние между ею и им не могло превышать двух футов. Понятно, что для входа в квартиру и выхода из нее таким головоломным путем, преступнику надо было обладать необычайною смелостью и ловкостью, причем требовалось еще, чтобы в момент его прыжка в комнату окно было открыто.

Все это, конечно, одни предположения, но я прошу вас заметить, что я упомянул тотчас о

необычайной смелости и ловкости того, кто совершил это дело. Поймите хорошенько, что тут требовалась именно

крайняя , скажу почти

сверхъестественная сноровка...

Вы скажете мне, может быть, как и всякий юрист, что для подтверждения моих догадок о проникновении злодеев в квартиру через окно, я был бы должен скорее доказывать сравнительную легкость этого пути, а никак не выставлять на вид его трудность, но я не присяжный следователь и руководствуюсь одним рассудком в поисках истины. Поэтому, я попрошу вас сопоставить указанную мною необыкновенную ловкость с крайне оригинальным, резким (или визгливым) и неровным голосом, относительно национальности которого свидетельства были так противоречивы; причем, вдобавок, никто не мог различать в этом говоре членораздельных звуков...

Я начал как-то смутно угадывать мысль Дюпэна.

– Как видите, – начал он снова, – от способа, каким вышли, я добрался и до того, как вошли. Обратимся теперь к самой комнате. Ящики у комодов выдвинуты, обобраны, хотя «много вещей и оставлено». Скажите, не глупое ли это заключение? Почему можно знать, что в этих ящиках было прежде более вещей? Эта дама и ее дочь жили очень скромно, уединенно, редко выходили из дома; по всей вероятности, у них и не могло быть множества туалетных принадлежностей. К тому же, если был грабеж, то отчего вор не взял всего или того, что получше? Главное же, почему он оставил мешочки с четырьмя тысячами франков золотом, а потащил с собой груз белья? Почти вся сумма, выданная банкирскою конторою г-же Лэпанэ, найдена в целости, что не мешает полиции поразиться совпадением выдачи этой суммы и совершенным убийством... Но мало ли бывает подобных же совпадений на свете! Они проходят, большою частью, и незамеченными, но составляют истинный камень преткновения для тех мудрецов, которые не изучали теории вероятностей. В данном случае, исчезновение этих денег, при получении их г-жею Лэпанэ за два или три дня до ее смерти, составило бы уже нечто более простого совпадения, оно указывало бы на повод к преступлению. При наличности же этих денег, видеть в них причину совершенного злодейства уже слишком неосновательно.

Перейдем теперь к самой жестокости убийства; к той необыкновенной силе, которая потребовалась, например, для того, чтобы вырвать целые густые космы волос у одной из жертв или втиснуть другую в узкую трубу. Следователь и врач нашли, что синяки и переломы костей у старухи причинены каким-то тупым орудием. Я согласен с ними, но орудием этим послужила дворовая мостовая, на которую несчастная была выброшена. Полиция не догадалась об этом, разумеется, однажды приняв за непреложное, что окна были заперты наглухо изнутри... Сообразите теперь все: необычайную, почти сверхъестественную ловкость и проворство, такую же силу, беспорядок в комнате, самую кровожадную жестокость, в соединении как бы с какой-то потехой, наконец, странный голос... Какое впечатление выносите вы из всего этого?

У меня мороз пробежал по коже при этом вопросе Дюпэна.

– Весьма возможно, что дело совершено сумасшедшим, убежавшим из больницы, – проговорил я.

– Подобная догадка довольно основательна, – возразил мой приятель, но вспомните голос! Всякий сумасшедший принадлежит к какой-нибудь нации и, при всей нескладности своих речей, не утрачивает способности к членораздельным звукам. Сверх того, ни у какого сумасшедшего не бывает волос, похожих на эти, вынутые мною из застывших, сжатых пальцев г-жи Лэпанэ... Посмотрите...

– Дюпэн! – воскликнул я в совершенном смущении, – это нечеловеческие волосы!

– Я и не говорю, что они принадлежали человеку, – сказал он. – Но взгляните на эту бумажку: на ней изображено с точностью то, что описывается в протоколе под названием «синяков и глубоких следов ногтей» на шее девицы Лэпанэ. Господа следователи признали это за повреждения, нанесенные руками... Попробуйте расположить ваши пальцы по этим знакам.

Я попытался сделать это, но мне не удалось.

– Но теперь эта бумага лежит еще плоско, – сказал Дюпэн, – а человеческая шея цилиндрической формы, обернем наш рисунок вокруг этого круглого полена, окружность которого, приблизительно, равна шее... Попробуйте снова.

Опыт был еще неудачнее прежнего, и я сказал, что эти знаки не могли быть нанесены человеческою рукою.

– Прочтем, что пишет Кювье, – ответил на это Дюпэн. – Он подал мне статью о крупных орангутангах Ост-индских островов, с подробным анатомическим описанием этих животных, известных своим громадным ростом, изумительной силой, проворством, диким, злым нравом и большой переимчивостью. Ужасные подробности убийства выяснились мне теперь вполне.

– Действительно, только пальцы орангутанга могли оставить такие следы на шее жертв, – сказал я, – и взятый вами клочок бурых волос совершенно сходен с шерстью, описываемую Кювье. Но я все же не могу понять этого загадочного убийства; к тому же, ведь были слышны два голоса и один из них принадлежал, несомненно, французу...

– Точно так, и один из свидетелей расслышал даже слова: «Mon Dieu!» произнесенные тоном упрека или сожаления. Именно эти слова дают мне надежду на полную разгадку дела. Ясно, что какой-то француз был очевидцем убийства. Возможно, – даже более чем вероятно, – что он не был соучастником злодейства, а только не доглядел за своим орангутангом, выпустил его... потом гнался за ним до самой этой квартиры, но не мог его изловить. Животное и до сих пор на свободе... Все эти догадки кажутся мне основательными, но, разумеется, для других они могут быть призрачными и я не навязываю их никому... Но если

этот, угадываемый мною, француз неповинен в злодействе, то он явится сюда к нам, по этому объявлению, которое я занес вчера в редакцию газеты «Le Monde» (посвященной морскому делу и весьма распространенной между моряками), при нашем возвращении, вчера вечером, из улицы Морг.

Он подал мне номер газеты, и я прочел следующее:

«Поимка. Утром, – числа (показано было утро, наступившее вслед за ночью, в которую было совершено убийство) пойман в Булонском лесу большой бурый орангутанг борнейской породы. Владелец его (как уже известно, моряк с мальтийского судна) может получить его обратно, представив ясные доказательства на принадлежность ему этого животного и заплатив за издержки по его поимке и содержанию. Адрес: С.-Жерменское предместье, улица -, № -».

– Но каким образом могли вы узнать, что хозяин этого зверя моряк, да еще с мальтийского корабля? – спросил я.

– Я вовсе

не знаю этого; я не могу сказать, что я в этом

уверен, – ответил Дюпэн, – но вот обрывок ленты, судя по виду которой и ее замасленности, можно догадываться, что она служила к завязыванию одной из тех косичек, которые любят отпускать себе моряки. Узел на этой ленте, так называемый, морской; редко кто умеет его завязывать, кроме моряков, и он особенно в ходу у мальтийцев. Я поднял эту ленту у громоотводного прута. Она никак уже не могла принадлежать которой-нибудь из убитых женщин. Но если я и ошибаюсь насчет ее принадлежности французскому матросу с мальтийского судна, то беда невелика: владелец орангутанга подумает, что я был введен в заблуждение каким-нибудь обстоятельством, которое для него останется безразличным; но если моя догадка окажется справедливой, то я этим выигрываю очень многое. Француз начнет рассуждать так: «Я не повинен в злодействе; я беден; орангутанг – животное ценное; его стоимость – целое богатство для меня! Неужели мне лишиться этой суммы из-за пустого страха перед какою-то опасностью? Поймали зверя в Булонском лесу, значит, вдалеке от места убийства. Кому придет в голову искать какой-нибудь связи между им и этим кровавым делом? Полиция идет по совершенно другому следу. Сверх того,

меня уже знают; объявивший в газете прямо указывает на меня, как на хозяина зверя. Если я уклонюсь, не стану хлопотать о возвращении такого ценного животного, я скорее возбужу какое-нибудь подозрение. Вообще, мне невыгодно привлекать внимание на себя или на этого орангутанга... Стало быть, мне надо пойти по указанному адресу, заявить свои права на зверя...»

В эту минуту, на лестнице слышались чьи-то шаги.

– Приготовьте свой пистолет, – шепнул мне Дюпэн, – но не показывайте его, пока я не подам вам знака.

Входивший по лестнице остановился, однако. По-видимому, он колебался; слышно было, что он даже спустился опять на несколько ступенек вниз. Но, вскоре, он поднялся опять и постучался решительно.

– Войдите! – весело и приветливо крикнул Дюпэн.

Человек, показавшийся на пороге, был, очевидно, моряк; высокий, мускулистый, загорелый, с усами и бакенбардами, закрывавшими ему почти половину лица, он поглядывал на нас задорно-смело, хотя и с известной опаской. По-видимому, с ним не было другого оружия,

кроме дубовой дубинки. Он отвесил нам неловкий поклон, пожелав «доброго вечера»; по выговору его, хотя и нечистому, можно было угадать, что он парижский уроженец.

– Садитесь, почтеннейший, – сказал Дюпэн. – Я полагаю, что вы за вашим орангутангом? Знаете, меня к вам зависть берет: славный зверь и не малого стоит, я думаю. Какого он возраста, по вашему мнению?

Моряк вздохнул с облегчением, как бы избавясь от тяжелого гнета, и ответил уже уверенным голосом:

– Сказать наверное не могу, но, должно быть, ему не более четырех-пяти лет. Здесь он у вас?

– О, нет! Здесь было бы невозможно приспособить ему помещение. Он на каретном дворе в улице Дюбург, но вы можете получить его завтра же утром. Вы можете, без сомнения, представить доказательства на принадлежность его вам?

– Разумеется, могу.

– А мне жаль отдать его, право, – сказал Дюпэн.

– Но вы не сомневайтесь насчет вознаграждения, поспешил прибавить моряк. – Я хорошо понимаю, что обязан заплатить за труды и прочее... Конечно, надеюсь, не потребуете лишнего...

– О, зачем лишнее! – возразить Дюпэн. – Надо по совести... Что же мне с вас спросить?... Да, вот что: вы мне только расскажете все, что знаете, об убийстве в улице Морг.

Дюпэн произнес эти слова очень тихо и вполне спокойным голосом, но, в то же мгновение, подошел к двери, запер ее и спрятал ключ себе в карман, после чего вынул из-за пазухи пистолет и положил его на стол.

Лицо моряка побагровело, как у задыхающегося человека. Он вскочил и ухватился за свою дубинку, но тотчас же снова опустился на стул, как пораженный насмерть. Мне стало его жалко до крайности.

– Друг мой, вы пугаетесь совершенно напрасно! – проговорил Дюпэн ласково. – Мы вовсе не желаем повредить вам. Даю вам честное слово, как француз и как благородный человек, что против вас не замышляю ничего дурного. Я вполне уверен в вашей непричастности к зверствам в улице Морг, но я не стану отрицать, что считаю вас замешанным отчасти в эти происшествие. Вы видите уже из всего, что мною добыты многие сведения, – и таким путем, которого вы и вообразить не можете. Теперь дело обстоит так: вы не виновны ни в каком попусении, ни в чем, что могло бы взводить обвинение на вас. Вы не совершили и грабежа, хотя имели к тому полную возможность; вам нечего утаивать, нечего бояться рассказать все! И вы даже обязаны честно сделать это, потому что обвиняется в преступлении невинный человек...

– Спаси меня, Господи! – проговорил он после короткого молчания. – Я расскажу вам, что знаю... Вряд ли вы поверите мне...я буду слишком глуп, если понадеюсь на это, но

я не повинен и выскажу все, что есть на душе, хотя бы мне умереть...

Сущность его рассказа заключалась в следующем. Он был недавно в Индейском Архипелаге, высадился, однажды, с другими матросами на Борнео, и здесь ему удалось, вместе с одним товарищем, изловить орангутанга. Вскоре этот товарищ умер, и хозяином зверя остался один наш моряк. Нелегко было ему справляться с животным, неукротимым, свирепым, однако, он успел привезти его в Париж, где держал его взаперти, не показывая никому. Он хотел его

продать, но ждал, чтобы у орангутанга зажила прежде рана на ноге от занозы, которую он всадил себе еще на корабле.

Возвратясь, однажды, откуда-то домой, он застал орангутанга в своей собственной спальне. Оказывалось, что зверь сломал перегородку, отделявшую его комнату от этой комнаты, вылез на свободу и теперь сидел перед зеркалом с бритвой в руках, стараясь подражать движениям, которые успел подметить у своего хозяина. Моряк страшно перепугался, увидя острое орудие во власти такого дикого животного. Привыкнув, однако, усмирять его хлыстом, он прибежал и теперь к этому средству, но лишь только орангутанг увидел хлыст в руках хозяина, он бросился вон из комнаты, на лестницу, и выпрыгнул здесь из окна, которое было, по несчастью, отворено.

Моряк последовал за ним в отчаянии. Хитрый зверь подпускал его близко к себе, но потом кидался далее. Они гонялись, таким образом, по улицам, совершенно пустынным в это ночное время, и попали, наконец, в переулок, тянувшийся за домом г-жи Лэпанэ. Свет, видневшийся в открытом окне четвертого этажа, обратил на себя внимание орангутанга, который бросился, в тот же миг, к громоотводному пруту, вскарабкался по нем с невероятной быстротой, ухватился за ставень, откинутый к стене, перескочил, с помощью его, к окну у кровати и проник в комнату. Все это было делом одной минуты. Ставень снова откинулся к стене, будучи оттолкнут орангутангом при его прыжке.

Моряк был отчасти рад, видя, что животное попало само в западню, потому что, при его обратном спуске по пруту, его можно было уже изловить; но с другой стороны, оно могло наделать беды в чужой квартире. Эта последняя мысль заставила француза полезть вслед за орангутангом. Вскарabкаться по толстому пруту – дело не очень трудное, особенно для моряка, но когда он добрался до высоты окна и заглянул в него, то едва не свалился от ужаса на землю. Страшный зверь, ухватя старуху за ее распущенные волосы, размахивал перед нею бритвой. Крик несчастной только усиливал его ярость и, наконец, одним движением своей мускулистой руки, он перерезал ей шею, почти совершенно отделяя голову от туловища. Вид крови еще более освирипил его: увидя лежавшую на полу без чувств девушку, он бросился к ней и сжал ей горло с чудовищной силой. Потом, оглянувшись, он увидал в окне лицо своего хозяина. Сознывая, по всей вероятности, что совершил что-то, заслуживающее наказания, и вспоминая о хлысте, он стал метаться по комнате, ища, как бы скрыть следы своего проступка, стащил тюфяк с кровати, раскидывал и ломал мебель, наконец, схватил труп девушки и засунул его в каминную трубу, а тело старухи выбросил из окошка на двор.

При его приближении к окну с этою кровавою ношей, моряк спустился, в смертельном ужасе, вниз по пруту и побежал домой, предоставляя орангутанга его собственной участи. Восклицания, вырывавшиеся у француза при виде ужасной сцены, перемешивались с злобным визжаньем и бормотаньем орангутанга и были слышаны толпой.

Остального почти нечего прибавлять. Животное убежало, без всякого сомнения, тем же путем, которым забралось в комнату, успев скрыться, прежде чем была выломана входная дверь. Через несколько дней после своего рассказа нам, тот же моряк успел его изловить и продал такой редкий экземпляр очень выгодно в парижский «Jardin des Plantes». Лебон был освобожден немедленно после обстоятельного донесения Дюпэна полицейскому префекту, который, несмотря на свою дружбу к моему приятелю, всегда досадовал на его проницательность, и был теперь очень недоволен неожиданным разрешением загадки. Он не мог даже удержаться от насмешливых замечаний по поводу лиц, сующихся не в свое дело.

– Пусть себе тешится! – сказал мне Дюпэн. – Пусть болтает, если ему от этого легче; я-то все же доволен, что побил его в его собственной специальности. Но нет ничего удивительного в том, что он дал промах в этом случае. Он слишком хитроумен для того, чтобы иметь нюх. Он напоминает собою изображения богини Лаверны: одна голова без туловища... Но он все же славный малый. Он мне особенно нравится тем мастерским вывертом, который и завоевал

ему репутацию такой пронизательности: он умеет
«отрицать существующее и изъяснить то, чего нет» .

Комментарии

Название в оригинале: The Murders in the Rue Morgue, 1841.

Публикация: Избранные сочинения Эдгара Поэ с биографическим очерком и портретом автора. № 7 – (июль) – 1895. Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». С.-Петербург. Контора журнала: Спб., Невский просп., № 63-40. С. 89-109.

Переводчик неизвестен.